

Афанасьев Илья Юрьевич

студент

Научный руководитель

Черемных Виктория Юльевна

канд. пед. наук, доцент

Поволжский институт управления им. П.А. Столыпина (филиал)

ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства

и государственной службы при Президенте РФ»

г. Саратов, Саратовская область

МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫЕ КОНФЛИКТЫ В МОЛОДЁЖНОЙ СРЕДЕ

***Аннотация:** в статье рассматриваются проблемы, связанные с конкуренцией различных моделей национальных отношений в современном российском обществе. Позиция автора формируется на основе анализа эмпирических данных, полученных в ходе качественного изучения практики национальных отношений. Подчеркнуты конфликтные ситуации в межэтнических отношениях, позволяющие сделать выводы относительно механизмов взаимодействия нормативных норм, сложившихся в разных культурных традициях.*

***Ключевые слова:** межэтнический конфликт, мультипарадигмальность, этнические общности, национализм.*

В современных обществах, по определению Ульриха Бека, представляющих собой общества риска, социальные взаимодействия носят конфликтную природу [3]. Один из факторов, определяющих такое положение вещей, связан с особенностями межэтнических отношений.

В науках об обществе сохраняется ситуация мультипарадигмальности, в которой сосуществуют различные понимания этноса как такового. Крайние позиции в этом спектре мнений занимают примордиализм и конструктивизм. С точки зрения примордиализма, этнические общности существуют объективно, объединяя людей, проживающих на одной территории, имеющих общую историческую судьбу [2]. В этой позиции, видимо, есть своя правота, однако содер-

жаты и риски, прежде всего связанные с возможной эволюцией в сторону крайнего национализма, вплоть до идей «крови и почвы» [4].

Что касается конструктивизма, в этой парадигме этносы создаются совокупностью представлений о некоторых социокультурных целостностях, обладающих собственной идентичностью [6]. Здесь так же возникают риски, на сей раз связанные с абсолютизацией субъективного начала, в конечном счёте, вплоть до утверждения возможности искусственного создания этнических общностей.

С точки зрения управленческих задач, выбор в спектре теоретических подходов определяется конкретными перспективами с точки зрения поставленных целей и специфики объектов управленческой деятельности. В любом случае принципиально важной задачей остаётся изучение характеристик этих объектов безотносительно к тому, полагаем мы их сущностными характеристиками или результатом конструирования. Так или иначе, на тот текущий момент, когда мы вырабатываем управленческую стратегию, эти характеристики имеют место в полном соответствии с классической теоремой Уильяма Томаса: «Представления людей реальны в их последствиях».

Наиболее очевидный способ определения характеристик объекта управленческой деятельности – это эмпирическое исследование социальных установок, паттернов, систем представлений и ценностей конкретных социальных групп. В контексте нашей темы нами осуществлён опрос среди молодёжи крупного провинциального города (Саратов). В опрос были включены 9 девушек, 12 юношей в возрасте от 17 до 22 лет, учащиеся вузов.

Примечательным представляется, что, по мнению наших респондентов, за последнее пятилетие толерантность в их ближайшем окружении возросла. В этой оценке можно находить нечто парадоксальное, если принимать во внимание уровень международной напряжённости, отражаемый (а в какой-то степени продуцируемый) пропагандой. В частности, российско-украинские отношения за этот период существенно осложнились. С учётом ряда событий, в особенности связанных с конфликтом вокруг ДНР и ЛНР, могли порождать некоторые

формы негативного восприятия по признаку национального различия. Разумеется, в конечном счёте, в исторической перспективе конфликты происходят не между народами, а между теми или иными политическими группировками, идеологиями. Классическая фраза Сталина: «Гитлеры приходят и уходят, а германский народ остаётся», при всей её лапидарности, отражает суть дела. В то же время, любой более ли менее масштабный конфликт, втягивая в себя большое число участников, заставляя их совершать определённые действия, менять структуру повседневных практик и, следовательно, выносимых людьми по их поводу оценок. Так, история польско-украинских отношений содержала слишком много фрагментов, связанных с насилием, несправедливостью, породивших настроения интегрированные, разумеется, не в генетический код (что невозможно), а в культуру. В отдельных случаях речь идёт даже о семейной, становящейся индивидуализированной, памяти.

Однако, что касается российско-украинского конфликта, он, по счастью, был купирован и не приобрёл масштабов, которые породили бы глубокое противостояние, вовлекающее широкие массы населения. То же самое можно сказать и о других конфликтах в постсоветском пространстве. Ни один из них не был настолько крупным и глубоким, чтобы породить среди русского населения действительно устойчивые негативные настроения. Другой вопрос, как воспринимаются их участниками конфликты между другими вышедшими из состава СССР республиками. В частности, армяно-азербайджанский конфликт в истории этих народов видимо занимает существенное место [1], но наши респонденты свою этническую принадлежность идентифицируют как русские.

И что касается собственно русского населения, то, как показывает, в частности, и наш опрос, единственная значимая ось противоречий (во всяком случае для европейской России) проходит по линии центральная Россия – Кавказ. В этом плане примечательно суждение одного из респондентов, отвечавшего на вопрос ощущал ли он когда-либо дискриминацию по национальному признаку: «Нет, я же русский, живу не в Ингушетии». Ингушетия здесь, конечно, имя нарицательное; речь идёт о некоем собирательном образе, точно так же, как и в

фигуральном выражении «лица кавказской национальности», не имеющем предметного смысла.

С другой стороны, преувеличивать уровень конфликтности между представителями русской национальности и народов северного Кавказа неправомерно. Почти все наши респонденты учатся в смешанных коллективах, включающих в себя выходцев из Северного Кавказа, и поддерживают с ними дружеские отношения. Однако, в этом противоречии есть некоторый смысл. В социокультурном плане центральные области России и Северный Кавказ действительно различны. И речь здесь идёт не о различии религиозном.

Это различие, разумеется, не является первичным, поскольку теория о врождённой религиозности не получила научного подтверждения, а производным. Исторически те или иные регионы поднимали те или иные вероучения в соответствии со своими историко-культурными особенностями. Что же касается различий между центральными областями России и Северного Кавказа, они определяются социально-экономическими факторами. В центральных областях России индустриальное развитие и урбанизация начались на полтора столетия раньше. Это имеет следствие то, что эти регионы значительно в большей степени продвинулись от «*gemeinschaft*» к «*gesellschaft*» [5]. Поэтому, естественно, существует широкий набор социокультурных различий, осознаваемый всеми, чьими принадлежностями эти различия являются. Однако, наличие различий, само по себе ещё не должно быть основанием для противоречий, а тем более конфликтов, и в нашем массиве, повторимся, мы этой конфликтности не видим.

Наши респонденты полагают толерантность межнациональных отношений необходимой, дают прагматическое обоснование. Так респондент Т.В. говорит: «Конфликтность проявлять не стоит, она провоцирует негативное отношение к нам самим». Для возникающих независимо от их действий конфликтных ситуаций респонденты предлагают «улаживать», «искать решения». Впрочем, есть и признаки неготовности к конфликтам. Одна из респонденток свои действия в конфликтной ситуации проектирует так: «Что делать? Разве что плакать, что ещё остаётся».

Наши респонденты выделяют следующий набор возможных причин межэтнических конфликтов. Прежде всего это особенности национальных культур. Как мы уже говорили выше, различия вовсе не обязательно порождают конфликты, но это возможно. В большей степени настораживают указания на национализм. Национализм, вообще говоря, неизбежная «тень» идентичности. Субъект, отделяя себя от окружающей реальности, наделяя элементы этой реальности свойствами объектности, неизбежно осуществляет операцию различения, в силу чего становится возможной и оценочная деятельность. Дальнейшее достаточно очевидно, если среди представителей той или иной группы будет преобладать негативное восприятие собственных особенностей, её взаимодействие с другими группами будет осложняться «комплексом неполноценности». Разумеется, обратный вариант чреват конфликтами, но в большинстве случаев этническое сознание формирует именно его. Иными словами, у любого народа есть скорее позитивный образ собственной идентичности, и нужен определённый уровень мудрости, чтобы избежать выработки на этой основе отторжения «чужих», представления о них, как о неполноценных.

По мнению наших респондентов, профилактика межэтнической напряжённости обеспечивается прежде всего воспитанием. «С детства надо людям прививать, что мы одинаковые», – говорит И.П. Такой подход можно только приветствовать, но, к сожалению, далеко не везде и не во всех эпохах он реализовывался.

Рекомендательные соображения, вытекающие из нашего исследования, могут быть связаны с разработкой программ профилактики всех форм национализма, поддержкой стремления молодёжи больше знать о культуре других народов. Именно это стремление служит надёжной гарантией от формирования ксенофобии. Поэтому расширение культурных контекстов представляется важным не только в отношении непосредственной профилактики межэтнической напряжённости, но и в плане обеспечения адекватных форм этнической самоидентификации.

Список литературы

1. Бабанов И. Карабахский кризис / И. Бабанов, К. Воеводский. – СПб., 1992. – 212 с.
2. Барбашин М.Ю. Современный западный примордиализм: методологические проблемы в изучении этничности / М.Ю. Барбашин. // Гуманитарный ежегодник. – 2011. – №10. – С. 362–371.
3. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну / У. Бек. – М., 2000. – 384 с.
4. Гюнтер Г.Ф.К. Индоевропейская религиозность / Г.Ф.К. Гюнтер. – Тамбов, 2006. – 80 с.
5. Теннис Ф. Общность и общество. Основные понятия чистой социологии / пер. с нем. Д.В. Складнева. – СПб.: Владимир Даль, 2002. – 456 с.
6. Хан-Магомедов С.О. Конструктивизм – концепция формообразования / С.О. Хан-Магомедов. – М.: Стройиздат, 2003. – 576 с.